

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

А.А. Аузан

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России

Негативная экономическая динамика, характеризующаяся замедлением экономического развития, может иметь и более глубокие основания в эффекте колей, т.е. в удержании страны на низкой траектории экономического развития, в результате воздействия как культурных факторов (неформальные институты), так и собственно институциональных факторов, которые комбинируются в тех или иных вариантах социального контракта. Преодоление этой ситуации предполагает не только изменение на соответствующих уровнях институтов и культуры, но и переход к иной стратегии экономического развития. Сейчас как основной конкурентный ресурс мирового позиционирования России рассматриваются минеральные ресурсы. Вместе с тем таким потенциальным ресурсом мирового позиционирования может стать высококачественный человеческий капитал с определенными социокультурными характеристиками. Перенос центра тяжести развития именно на эту опорную базу – ресурс человеческого капитала – требует другой институциональной среды (инклюзивных, а не экстрактивных институтов) и предполагает другую структуру экономической деятельности и последовательность модернизационных преобразований. В статье предложено авторское понимание предпосылок и контуров таких изменений.

Ключевые слова: *человеческий капитал, инклюзивные и экстрактивные институты, культурный капитал.*

Классификация JEL: A13, E66, J24, O15.

Негативная динамика российской экономики в 2014–2015 гг. проявляет существенное отличие от такой же динамики в 2008–2009 или в 1998–1999 гг. По существу, это – продолжение начавшейся с 2011 г. тенденции замедления экономического развития, которая может свидетельствовать об исчерпании модели роста, основанной на сырьевом экспорте и внутреннем спросе. Такое предсказание содержалось уже в «Стратегии-2020» в версии 2011 г. Однако предупреждения экономистов о том, что улучшение конъюнктуры не позволяет удерживаться в прежней модели роста, не привели к реальному изменению экономической стратегии и экономической политики. Исходя из этих констатаций, необходимо объяснять два факта: почему прежняя модель оказалась исчерпанной и почему так трудно происходит выход из этой модели.

Нередко полагают, что модель роста, ориентированная на сырьевой экспорт, тенденция последних двух десятилетий. На самом деле эта тенденция намного старше. В первый раз такая тенденция возникла в экономике СССР в середине 1960-х годов, когда открытие Самотлорских месторождений совпало с по-

пытками экономических реформ, которые готовились правительством А.Н. Косыгина. Выбор, совершенный тогда руководством страны, оказался не в пользу изменений, а в пользу консервации ситуации за счет «пенсионного» дохода от углеводородных источников.

Сходная ситуация повторилась, на мой взгляд, в начале 2000-х годов, когда продуктивно начавшиеся реформы 2000–2003 гг. совпали с резким и мощным улучшением мировой сырьевой конъюнктуры. И вторая тенденция возобладала над первой: страна опять избрала инерционный сценарий – пребывание в сырьевой модели роста.

Исчерпание этой модели роста связано скорее всего не столько с конъюнктурным снижением цен, которое может оказаться более или менее длительным, сколько с явно расширившимися альтернативными возможностями на мировых рынках, альтернативными источниками энергии, ростом энергоэффективности и энергосбережения. По существу, страна, которая остается в сырьевой модели, обречена на маргинализацию.

Почему выход из этой модели оказывается таким трудным? И почему в критических

точках выбор делается в пользу нефтяной ренты, а не, например, инновационного развития? В этом, на мой взгляд, и проявляется эффект колеи (*path dependency problem*) – действие сил притяжения к определенной траектории развития, о которой неоднократно писали разные авторы, в том числе и автор этой статьи. По существу, здесь сказываются как ошибки институционального выбора, так и экономическая культура, закрепляющая эти ошибки в структуре неформальных институтов, т.е. определенных ценностей и поведенческих установок. Связь того и другого компонента реализуется в таком сложном явлении, как социальный контракт (общественный договор). И в этом смысле обмен ожиданиями между различными группами населения и властью скрепляет те составляющие инерционной траектории, которые заложены в культуре и нормативной структуре.

Последние десятилетия специфика социального контракта проявлялась как готовность значительной группы населения действовать по формуле «лояльность в обмен на стабильность», а затем – «социальные гарантии в обмен на лояльность». Но этот формат вряд ли может быть продлен в нынешней экономической ситуации. В социальном контракте образца 2014 г., который, на мой взгляд, можно обозначить как «самоограничение в обмен на принадлежность к великой державе», проявляются черты *дежавю*: государственных контрактов мобилизационного типа, которые уже неоднократно возникали в истории России.

Однако в данном случае скорее всего надо говорить о варианте «*лайт*», потому что этот ремейк государственного контракта не предполагает достаточных ресурсов для превращения рабочей силы в предмет государственной собственности и манипулирования большими трудовыми массами. Поэтому и возможности мобилизационного скачка здесь существенно более узкие, чем в вариантах предыдущих исторических периодов. Правда, тем самым и потери от такого скачка, который обычно приводил к сокращению численности населения, будут существенно меньше, если такой скачок произойдет. Они будут связаны скорее всего с подрывом воспроизводства высококачественного человеческого капитала. Эта «малая» потеря, на самом деле с точки зрения стратегической перспективы развития России является, по моему мнению, решающей.

Ряд исследований, прежде всего исследование (McKinsey Global Institute, 2012), с которыми согласны многие экономисты, констатируют, что в 2020-е годы будет суще-

ствовать серьезный дефицит высококачественного человеческого капитала, и именно конкуренция за высококачественный человеческий капитал, а не за минеральные ресурсы, будет определять положение страны в мировом экономическом обороте, тенденцию ее к маргинализации или, наоборот, выдвигание к доминированию. С этой точки зрения, мне представляется необходимым попытаться переосмыслить то, что было определено авторами «Стратегии-2020», к которым относится и автор этих строк, и говорить о стратегии России главным образом в перспективе до 2030 г. Однако такая постановка вопроса предполагает совершение некоторых шагов уже сейчас. Например, в том, что связано с защитой статей государственного бюджета, нацеленных на инвестиции в человеческий капитал. Именно эти статьи, а не статьи на оборону и безопасность, должны выступить в нынешних условиях гарантией будущего страны.

Предложения такого рода, разумеется, нуждаются в обосновании того, что переход на новую стратегию может быть определен основанием, на котором реализуется эта стратегия, и что такой переход возможен. Попробую пояснить эти два существенных для понимания будущей стратегии обстоятельства.

Все попытки уйти от сырьевой модели, осуществить диверсификацию до сих пор не приводили к сколько-нибудь значимому результату (более того, приводили к усилению сырьевой зависимости и ослаблению экономики), в частности потому что для выхода из экономики сырьевой зависимости нужно говорить не о размывании этой сырьевой зависимости, а об опоре на конкурентный ресурс, по меньшей мере равный по своим перспективным возможностям тому, который использовала сырьевая модель роста. Мне представляется, что такого рода ресурс легко устанавливается путем анализа того, какие и какого качества человеческие ресурсы Россия поставляла миру на протяжении последних 150 лет, т.е. после того как в России в полной мере сформировалось современное образование и возникла современная конкурентоспособная наука. В течение практически всего этого периода Россия ввозила рабочую силу низкого качества, а экспортировала высококачественный человеческий капитал, носители которого в условиях развитых стран, прежде всего Европы и Северной Америки, создавали весьма существенный экономический результат.

Конечно, очень нелегкий вопрос о методиках таких расчетов, о том, как можно посчитать в целом объем того продукта, который был вынесен из страны и произведен

в других странах мира за счет человеческого потенциала России, но, мне кажется, принципиально установить другое обстоятельство: то, что мы считаем бедой страны, а именно «бегство мозгов» можно трактовать как косвенное проявление высококонкурентного ресурса, существующего в стране. Его наличие и конкурентоспособность могут быть подтверждены количественными исследованиями. Например, исследования, проведенные на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и в Институте национальных проектов еще в 2012 г. по миграционной и трудовой статистике, показали сферы высокой конкурентоспособности, которая устойчиво поддерживается нашими человеческими ресурсами. При этом принципиально важно, что эти сферы конкурентоспособности связаны не только с уровнем человеческого капитала, но и с его характером, потому что доминирование в тех или иных сферах замыкается на устойчивые *социокультурные характеристики* такого человеческого капитала.

Именно это позволяет рассчитывать на то, что мы имеем дело не с эфемерным ресурсом, который может исчезнуть, а с некоторой достаточно постоянной конкурентной возможностью, использование которой может быть положено в основу новой экономической стратегии России.

Возможно ли капитализировать такого рода человеческий ресурс, по аналогии с тем как нашей стране удавалось и удастся, отчасти до сих пор, капитализировать сырьевой ресурс страны? Конечно, здесь способ капитализации оказывается принципиально иным. Минеральные ресурсы, а особенно нефтяные, легко концентрируются, на них устанавливаются режимы исключительного доступа. Нефть можно контролировать, увязывать контрактные отношения с физическим передвижением, однако ничего подобного нельзя напрямую сделать в отношении человеческого потенциала. Понятно, что в принципе возможны попытки насильственного удержания высококачественных человеческих ресурсов, и не надо забывать, что «шарашки», т.е. научные тюрьмы, давали высокий интеллектуальный результат. Однако представляется, что это было связано с исключительными условиями войны и воздействием идеологического фактора. Возможно, конечно, применение экономических методов удержания, вроде кредитования обучения и создания контрактных обязательств талантливых выпускников в плане отработки определенного времени в стране. Скорее всего, это и будет практиковаться, но вряд ли даст хороший эффект.

Можно мечтать о нахождении таких схем капитализации, как это практикуется в отношении талантов, например в футболе, когда трансферты дают выигрыш и команде, подготовившей видного игрока, и самому игроку, и стране, и той стране, команде и клубу, куда он переходит. Однако вряд ли такой механизм может быть изобретен в ближайшее время, поэтому принципиальный путь капитализации человеческого ресурса скорее всего связан с тем открытием, которое было сделано в исследованиях Д. Асемоглу и Дж. Робинсона «Почему нация терпит поражение?» (Acemoglu, Robinson, 2012), а именно – в различии тех институтов, которые европейские колонисты создавали в странах, где они были намерены захватывать ренту, например Конго, и в тех странах, где они были намерены жить, как, например, в Канаде. Экстрактивные институты характеризовали первые страны и способствовали извлечению ренты, а инклюзивные характеризовали вторые страны и притягивали человека с точки зрения условий жизни. Если мы обратим эту схему к России, то мы должны будем признать, что проблема, которая до сих пор ставилась как проблема недостаточного качества институтов (с точки зрения, например, индексов, применяемых Всемирным банком) есть иная проблема. То есть это вполне совершенные институты экстрактивного типа, которые способствуют извлечению ренты, что можно доказать анализом конкретных институциональных систем, например в той части, которая связана с налоговыми системами. Кроме ренты, которая извлекается из минеральных ресурсов, есть административные, монопольные и иные ренты, извлекаемые из разных групп населения, до которых, так или иначе, докатываются доходы от эксплуатации минеральных ресурсов. Поэтому анализы некоторых институтов показали их рентный характер по существу.

Образно можно утверждать, что мы живем в стране, которая в институциональном смысле состоит из терриконов, отвалов и нефтяных вышек, поэтому естественное стремление тех, кто прибывает в эту страну, работать здесь вахтовым методом, а свои семьи держать в странах, где институциональный рельеф выглядит по-другому. Возможен ли переход к инклюзивным институтам, которые для человеческого капитала работали бы как магнит и создали возможность его продуктивного использования в стране?

Несмотря на наличие эффекта колеи, следует иметь в виду, что институциональные исследования указали и на возможность образования окон, когда выход из колеи более веро-

ятен, когда можно хотя бы отчасти преодолеть действие удерживающих в инерционной траектории сил. Одно из этих обстоятельств, согласно анализу МакГири–Олсона (McGuire, Olson, 1996), связано с тем, что, когда основные активы поделены между близкими к правителю людьми, перед владельцами активов встает дилемма – вести дорогостоящую войну друг против друга (т.е. с сильным противником) или согласиться на изменение типов институтов, повышая продуктивность полученного актива, а не способствуя его расширению путем захвата. По существу, здесь нетрудно увидеть аналогию с экстрактивными и инклюзивными институтами. Дополнительным фактором такой возможности может служить смена поколений собственников (что стало весьма актуальным и для России), потому что решение проблемы наследования предполагает наличие гораздо более гибкой и комфортной системы институтов, чем система институтов, которая способствовала первоначальному накоплению. Думается, что оба названных фактора сейчас уже проявляются в России, и поэтому окно политико-экономических возможностей может возникать.

Сам механизм такого перехода будет скорее всего связан с гармонизацией формальных и неформальных институтов, а поворотная точка, как показывают исследования модернизации (Аузан, Келимбетов, 2012), основывается на парадоксе использования культурных ограничений как двигателя развития. Национальная формула модернизации по существу содержит два компонента: один – связанный со сдвигом неформальных институтов одновременно с изменением институтов формальных, а второй – с нахождением в действующих неформальных институтах того, что может получить новое неожиданное применение и тем самым укрепить положение страны в мировой конкуренции, улучшить положение в мировой системе разделения труда. Такого рода возможности связаны уже не с понятием человеческого капитала, а с тем понятием, которое потребуется, несомненно, для теоретических оснований новой стратегии, а именно с понятием культурного капитала.

Последние десятилетия получили развитие как методики социокультурных измерений, так и исследования воздействий институтов на культуру и культуры – на экономическую динамику, например в работах А. Бизина, Т. Вердые, Ш. Вебера и других (Bisin, Verdier, 2010; Ginsburgh, Weber, 2011). Такого рода исследования дают материал для формулирования новых теоретических интерпретаций, и мне представляется вполне обоснованным

использование понятия «культурный капитал». Возражения против этого могут быть связаны с теми критичными условиями, которые Р. Солоу (Solow, 1999) выдвигал в связи с социальным капиталом. Но по существу, как в отношении социального капитала удалось дать ответы на критические условия Р. Солоу, так и в отношении культурного капитала мы близки к ответам на эти вопросы. И мне представляется весьма важными в этой связи исследования Е.Н. Никишиной (Аузан, Никишина, 2013; Никишина, 2011; Никишина, Ставинская, 2012), отчасти опубликованные, отчасти находящиеся в процессе публикации, которые указывают на наличие связи между положительной экономической динамикой и характеристиками неформальных институтов, т.е. по существу доказывающие существование культурного капитала.

Почему это важно для формулирования контуров новой стратегии? Дело в том, что эта стратегия не просто должна учитывать роль человеческого капитала и необходимость его накопления в стране путем создания инклюзивных институтов; она должна также указывать конкретные направления продвижения, которые не были видны с точки зрения иных стратегий. На мой взгляд, можно предлагать три основных вектора новой экономической стратегии.

Наш вектор – конкурентное позиционирование страны. Существует парадоксальная закономерность, которая давно требовала объяснения, почему страна, которая за XX в. сумела создать атомную и водородную бомбы, космический корабль, спутник, гидротурбину, не смогла создать конкурентоспособный автомобиль, телевизор, холодильник. Первое предположение связано с тем, что уникальные, малосерийные, штучные продукты создавать проще, поскольку культурный капитал в стране характеризуется наличием креативности (как способности к нестандартной деятельности – это показывают и социологические исследования). Представляется, что использование этой возможности будет связано с развитием в 2020-е годы таких направлений, как опытные производства, креативная индустрия и любые производства малыми сериями, для того чтобы в более поздние периоды развития путем сдвига в культурных ограничениях (т.е. изменения ценностей и поведенческих установок) переходить к решению нерешенной для России прежних веков задачи успешного массового производства на основе соблюдения стандарта.

Второй вектор новой стратегии связан с производством человеческого капитала.

Россия успешно производила и экспортировала человеческий капитал в течение полутора веков, отсюда возникает естественный соблазн сделать это темой специализации России в международном разделении труда. Иными словами, индустрия образования и науки в России может оказаться способом производства высококачественного человеческого капитала не только из своих молодых поколений, но и из студентов других стран, и это может напрямую приносить доходы стране, хотя, несомненно, потребует институциональных изменений для создания более инклюзивной среды.

Наконец, третий вектор, от которого и будет зависеть конечный успех реализации первых двух, сдвиг в пользу инклюзивных институтов, переход от экстрактивных институтов к инклюзивным через решение конкретных вопросов налогообложения, наследования, формирования судебной системы и т.д., поскольку именно создание инклюзивной институциональной среды позволит концентрировать высококачественный человеческий капитал в стране и осуществить переходы к инновационным секторам экономики и тем видам производств, переход к которым в течение последних 10 лет оказывался неуспешным. Институциональную повестку такого перехода можно сформулировать на основе граничных условий, которые были выделены Д. Нортгом, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгастом (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011) применительно к открытому и закрытому порядку, т.е. по существу следует рассматривать достижение трех условий: производства законов для себя и распространения их на других вместо изготовления законов для других и исключений – для себя; создания организаций, неперсонализированных под руководителя в коммерческих, политических и других сферах и способных пережить своих создателей; коллективного контроля над инструментами насилия – вместо раздела их между конкурирующими элитными группами.

Следует заметить, что второе и третье условия уже встречались в истории страны в послесталинский период СССР, а третье пытались реализовать в ходе перестройки в 1980-е годы, однако этого институционального решения пока достичь не удалось.

Пора совершить следующую попытку.

ЛИТЕРАТУРА

- Аузан А.А., Келимбетов К.Н.** (2012). Социокультурная формула экономической модернизации // *Вопросы экономики*. № 5. С. 38–44.
- Аузан А.А., Никишина Е.Н.** (2013). Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // *Журнал экономической теории*. № 4. С. 48–57.
- Никишина Е.Н.** (2011). Социальный капитал, доверие и динамика экономического роста. В сб.: *«Новые институционалисты: сборник работ молодых исследователей в области новой институциональной экономической теории»*. М.: МАКС Пресс.
- Никишина Е.Н., Ставинская А.А.** (2012). Социокультурный ресурс модернизации республики Казахстан // *Вопросы экономики*. № 6. С. 74–83.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.** (2011). *Насилие и социальные порядки*. М.: Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара.
- Acemoglu D., Robinson J.** (2012). *Why Nations Fail?* N.Y.: Crown Publishers.
- Bisin A., Verdier T.** (2010). *The Economics of Cultural Transmission and Socialization* (No. w16512). National Bureau of Economic Research.
- Ginsburgh V., Weber S.** (2011). *How Many Languages Do We Need? The Economics of Linguistic Diversity*. Princeton: Princeton University Press.
- McGuire M.C., Olson M.Jr.** (1996). *The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force* // *Journal of Economic Literature*. Vol. 34. No. 1. P. 72–96.
- McKinsey Global Institute (2012). *The World at Work: Jobs, Pay, and Skills for 3.5 Billion People*. [Электронный ресурс] McKinsey & Company. Режим доступа: <http://www.mckinsey.com/insights>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2015 г.).
- Solow R.** (1999). Notes on Social Capital and Economic Performance. In: *“Social Capital: A Multifaceted Perspective”*. Dasgupta P., Stiglitz J. (ed.). Washington: The World Bank. P. 6–10.

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Acemoglu D., Robinson J.** (2012). *Why Nations Fail?* N.Y.: Crown Publishers.
- Auzan A., Kelimbetov K.** (2012) Sociocultural Formula of Economic Modernisation. *Voprosy Ekonomiki* 5, 38–44 (in Russian).
- Auzan A., Nikishina E.** (2013). Long-Term Economic Dynamics: Role of Informal Institutions. *The Russian Journal of the Economic Theory* 4, 48–57 (in Russian).

- Bisin A., Verdier T.** (2010). The Economics of Cultural Transmission and Socialization (No. w16512). National Bureau of Economic Research.
- Ginsburgh V., Weber S.** (2011). How Many Languages Do We Need? The Economics of Linguistic Diversity. Princeton: Princeton University Press.
- McGuire M.C., Olson M.Jr.** (1996). The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force. *Journal of Economic Literature* 34(1), 72–96.
- McKinsey Global Institute (2012). The World at Work: Jobs, Pay, and Skills for 3.5 Billion People. McKinsey & Company. Available at: <http://www.mckinsey.com/insights> (accessed: May 2015).
- Nikishina E., Stavinskaya A.** (2012). Sociocultural Resources for Modernisation in Republic of Kazakhstan. *Voprosy Ekonomiki* 6, 74–83 (in Russian).
- Nikishina E.** (2011). Social Capital, Trust and Dynamics of Economic Growth. In: “*New institutional economists: volume of papers of new institutional economics young researchers*”. M.: MAKS Press (in Russian).
- North D., Wallis J., Weingast B.** (2013). Violence and Social Orders. Moscow: Institut ekonomicheskoy politiki im. E.T. Gaydara (in Russian).
- Solow R.** (1999). Notes on Social Capital and Economic Performance. In: “*Social Capital: A Multifaceted Perspective*”. Dasgupta P., Stiglitz J. (eds.). Washington: The World Bank. P. 6–10.

Поступила в редакцию 13 мая 2015 года

A.A. Auzan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

On the Possibility of Transition to an Economic Strategy Based on the Specifics of Human Capital in Russia

Negative economic dynamics, characterized by slowing down of economic development, can be caused also by deeper foundations in path-dependence problem, i.e. keeping the country on a low path of economic development, as a result of the impact of cultural factors (informal institutions) and strictly institutional factors, which are combined in different versions of the social contract. Overcoming this situation implies not only a change at the appropriate levels of institutions and culture, but also the transition to a different economic development strategy. Now mineral resources are treated as the main resource of the global competitive positioning of Russia. However, a high-quality human capital with specific socio-cultural characteristics can become this potential resource of global positioning. The shift of the focus on the new base - human capital resources - requires a different institutional environment (inclusive rather than extractive institutions) and assumes a different structure of economic activity and the sequence of modernizing reforms. The article prompted the author's understanding of prerequisites and contours of such changes.

Keywords: *human capital, inclusive and extractive institutions, cultural capital.*

JEL Classification: E66, J24, O15.